

Она любит прозрачный свежий мёд, подняла баночку вверх.

Калганов невольно засматривается на желтое, с красным отливом сияние. Что-то живое, притягательное в этом мёде: каждую капельку душистого нектара принесли на лапках пчёлы. Светится, мерцает бесконечный труд, вместившийся в пол-литровую банку. Мать велела отнести гостинец, хоть какой-нибудь, застыдила, разругала: совсем забыл родную сестру! Вручила эту банку с мёдом, и получается, вроде бы по делу пришел.

- Как хочется мёда! - восклицает она тихим звонким голосом, улыбается. - Хотя бы только лизнуть... Нельзя, доктор не велел, у меня аллергия.

- Ничего не знаю, - ворчит Калганов, - бабушка велела...

Давно не видел он сестру, не разговаривал с ней со дня ее странной свадьбы. Мать тоже не давала покоя:

сходи к ней! Ты как-никак родной брат, покажись хотя бы, скажи приветное слово,

«А почему я должен ходить? - возмутился Витька. - Она сама ушла из нашего дома».

Мать не отставала: иди, посмотри новый дом - настоящий коттедж из трех комнат. И вот он пришел, увидел дом. Обыкновенный, стандартный, каких много построено в этом году на окраине поселка. Появилась даже улица, названная Солнечной, свежая изгородь из штакетника. В палисаднике, в густой траве, строительный мусор, осколки кирпича. Сереге некогда убирать - работает на комбайне, докашивает хлеб, сестра беременна, у нее заметный живот.

Калганов подошел к стене, погладил шероховатую кладку. Курчавился темный, не совсем просохший цемент. Чувствовался запах кирпичной кладки, свежеструганного дерева, нагретого солнцем шифера.

Сестра была во дворе, слушала магнитофон, который купил для нее муж, чтобы не скучала день-деньской. Увидев брата, щелкнула кнопкой, выключила музыку.

Калганов поздоровался, неловко отвел взгляд в сторону - почему-то неприятно было смотреть на ее большой, нелепо выпятившийся живот.

Она обрадовалась, поблагодарила за мед, вот тут и сказала брату про аллергию, как будто раньше не могла сказать той же матери или бабушке... Хотела угостить брата чаем, но Витька отказался: некогда распивать чай, он просто так, на минутку зашел. И мысленно добавил: поглядеть на тебя! Беременность изуродовала фигуру сестры, но лицо ее посвежело, покруглело, как наливное августовское яблоко. Он потихоньку исподлобья разглядывал ее, и видел, что она, несомненно, похорошела, к тому же слегка подкрасилась, впустила волосы. Платье на ней было новое, просторное, какие носят молодые беременные

женщины, свободно развеваемое, теплым ветром. «Некрасивых женщин вообще нет, - подумалось ему. - Каждая из них, если захочет, может стать симпатичной, загадочной, необыкновенной. Они как-то могут, умеют показаться».

Он шмыгнул носом: вот ведь как неожиданно сообразил про этих самых женщин. Оттого, наверное, что редко о них думает.

- У нас есть щенок, зовут Тяпа! - сказала сестра. - Круглый такой, пушистый... Тяпа, Тяпочка, где ты?

Витька избегал встреч с молодоженами, видел их изредка, когда они приходили в гости к ним домой. Он в это время всегда находил повод увильнуть от семейного ужина и куда-нибудь уходил.

Была, наверное, в его сестре какая-то притягательность, тайна, если такой парень, как Серега, полюбил ее.

- Как жизнь? - спрашивает Витька, вглядываясь в розовеющее лицо.

- Нормально... - Она пожимает плечами, задумчиво смотрит вдаль.

За оврагом начинается поле, а дальше лес, тронутый желтизной в верхушках берез. Сестра смотрит на скошенное поле, о чем-то думает. Этот слишком уж задумчивый взгляд не нравится брату. Он не любит никаких задумчивостей, неясностей. Если человек задумался, а ты находишься рядом, то этот человек во многом для тебя потерян.

В каждой семье своя загадка, а Витька терпеть не мог всяческих тайн. Простота и хитрость, смешанные с грубостью, порывистостью, всегда привлекали его, бродили в крови. Он полагал, что в любом деле нужно вначале постигнуть хитрости, а простота придет сама собой. Он не выносил, когда в его присутствии отчетливые понятия пытались раздробить на отдельные части. Оттого и учился неважно: в школе на каждом

уроке начиналось усложнение, прибавлялись новые математические действия, формулы. Закон тяготения, не ощутимый в своей нужности, как дыхание, - падает яблоко, это ведь так просто! - вдруг опутывался цифрами, закорючками. Даже на уроках физкультуры учитель показывал, как надо разбежаться, отталкиваться, чтобы перепрыгнуть через спортивный снаряд. Учил его, Витьки, который без всякой науки умел перепрыгивать ямы и заборы.

Сестра протянула руку к магнитофону, на ощупь нажала кнопку. Потекла тягучая, словно бы расплзающаяся по густой зеленой траве мелодия.

- Кайфовые записи есть? - спросил он равнодушно.

- Нет, только медленные.

Он понимающе кивнул головой и подумал, что пора, наверное, уходить. Возле ног его мурлыкала, терлась о штанину кошка. Успела завести кошку! Ему захотелось дать кошке пинка - терпеть не мог кошек. Поднял ногу, но в последний момент вздохнул, расслабился. Он знал, что сестра любит кошек, она всегда заступалась за несчастного Барсика, ублажала запуганное животное.

Сестра сказала, что у них есть еще и поросенок - муж выписал в колхозе. Витьке не понравилось, что она часто с неослабевающей гордостью повторяет это сомнительное словечко - «муж». Нашла чем хвастаться. Выйти замуж может любая. «Мой муж, мой муж!» - передразнил он мысленно. Вот бросит с ребенком, тогда узнаешь, какой он твой. Нельзя про человека говорить - «мой»!

Поросенок был уже большой, басовито хрюкал. Витька, перегнувшись через изгородь закуты, почесал ему прохладный бок. Поросенок, довольно фыркая, плюхнулся на свежую травяную подстилку, жмурил блаженно белесые ресницы, оставив щелочки, через которые внимательно глядел на чужого ласкового

человека.

- Он очень умный! - сказала сестра. - Он на тебя смотрит. Видишь, он смотрит на нас! Когда его будут резать, я куда-нибудь убегу.

Она всегда пугалась, когда резали поросенка, пряталась в своей комнате, закрывала голову двумя подушками, чтобы не слышать визга. А брат не боялся, с удовольствием помогал резаку. Когда опаленную тушу разделявали и потрошили, он приносил в дом езде теплое сердце - пугать сестру.

«Перестань, ради бога... - бледнела сестра. - Оно похоже на человеческое!»

Совсем недавно вышла она замуж, а уже стала для Витьки почти совсем чужой. Странно, что в детстве он часто дрался с ней, и всегда побеждал, оставляя ее в слезах.

Сестра закрыла сарай, они вернулись к изгороди, где звучала медленная переливчатая мелодия. Витька слушал музыку, глядел на сестру, и в голову ему приходили разнообразные мысли о женщинах. «Прежде всего, - думалось ему, - надо держаться от них подальше, потому что они существа загадочные, никогда не известно, чего ждать от них в следующую минуту». Уж он-то, Витька, не даст маху, какие бы красавицы ни встретились на его пути, сумеет уклониться, от любых контактов с ними. Он всегда будет горд, одинок и никогда не женится, потому что именно от женщин происходит всяческая горечь и досада, от них беспокойство и хлопоты. Они приносят печальные новости, умеют перемолоть их так, что мир покажется беспросветной тьмой; они всегда будут стараться погасить твой внутренний огонек, не упустят возможности испортить настроение какой-нибудь глупой сплетней. Жить рядом с женщиной - значит видеть картину мира наполовину искаженной. Нет, Витька на такое не согласен, он хочет видеть всю

правду вокруг собственным незамутненным взором.

- Приходи ко мне чаще, - попросила сестра. - Муж целыми днями на работе, скучно.

- Ладно, - ответил он хмуро, хотя был уверен, что больше никогда не придет сюда, а если и придет, то очень нескоро и то, если заставят родители. Теперь он твердо знал, что любая женитьба - несчастье, обрушивающееся на вольного молодого человека. Разве это главное: иметь дом, сарай, поросенка, магнитофон с грустными мелодиями? Может ли сильный отважный мужчина быть самим собой в присутствии слабого хитрого существа, которое нельзя прогнать, как собаку или кошку, которое неизвестно по каким причинам считает тебя своей собственностью и за глаза называет не по имени, а «мой муж»? Нет, извините, не надо Витьке ни женщин, ни девушек и всего прочего, что с ними связано. Сколько раз видел в кино: сильный мужественный парень гибнет, попадает в лапы врагов лишь потому, что никак не распрощается со своей глуповатой возлюбленной. Пытаясь спасти расфуфыренную изнеженную дуру, он не обращает внимания на врагов, окружающих его со всех сторон, потому что смотрит только на свою возлюбленную, и даже не может выстрелить, потому что она всей своей тяжестью повисла у него на руке - они вовсе не такие легкие, эти воздушные создания!..

Нет, Витька никогда не будет носить барышень на руках, а если, и поднимет какую, то лишь для того, чтобы выбросить в окно. Он не позволит дурачить себя.

Витька почесывает лохматый затылок: что за чепуха лезет в голову? Надо же, вообразил себя киногероем! И странная досадная мысль вдруг пронзает его: что же это, получается? выходит, ни одна из них, даже самая что ни на есть красавица, самая умная и добрая, не достойна его, подростка с грубым злым лицом? И он содрогнулся, крепко зажмурил глаза. Какая же будет

она, равная ему во всем - в дерзости, в силе, в крепости характера? В одной книжке он видел картинку: светло-мраморная женщина-воительница с обнаженной белой грудью, с копьем в руке, с чистым грозным ликом богини. Греческая статуя на рисунке в книге напоминала чем-то его одноклассницу Таню Кузовлеву - такая же спокойная, величавая. «Наверное, такая! - устало подумал он и вздохнул. Что статуя, что Таня - всё едино. Такая, возможно, и меня захомутает».

- О чем задумался? - спросила сестра. Взгляд ее был по-прежнему направлен вдаль.

- Ни о чем... - буркнул Витька.

Солнце опускалось к вечерней отметке, поле слегка серебрилось. Сверкнула пролетающая паутинка. Все так же играла непонятная печальная музыка. Если раньше пели скрипки, то сейчас глуховато, с паузами звучало пианино. Витька поймал себя на том, что прислушивается к мелодии, презрительно фыркнул. Снова заиграли скрипки, но не тонко, не пронзительно, а спокойно, отвлеченно. Лес на горизонте казался далеким, а часа через два он будет неразличим, утонет в золотом сиянии опускающегося солнца, перестанут шевелиться придорожные кустики полыни.

Сестра его не такая, как девицы в кино: она некрасивая, некапризная, жить с ней легко и просто. Все ее некрасивости, собравшись в одно целое, превратились в мягкую задумчивость, в сверкание солнечных пятен, в улыбку, устремленную навстречу теплоте, временами с прохладинкой августовскому ветру, шевелящему цветное легкое платье. На брата по-хорошему действует тот факт, что у его сестры скоро будет ребенок. Какой-нибудь маленький Плаксин. Совсем даже не калгановского племени и похож, наверное, будет на Серегу.

- Это что же, выходит, скоро я дядей буду?..

Она кивает головой, улыбается.

-Значит, он мне племяш будет?

- Да. Или племянница.

- Нет, лучше мальчишку, - рассуждает, прищурившись, Витька. - Я ему куплю игрушечный автомат, саблю...

В родительском доме на стенах сестриной комнаты остались портреты, аккуратно наклеенные пожелтевшие вырезки из журналов, афиш, в основном артисты, певцы.

В пустой маленькой комнате все еще витал, дотлевал грустный запах некрасивой малообщительной девушки, стояли на полке флаконы духов, шампуней, баллончики с лаком. Артисты улыбались со стен неизвестно кому. Витька, зайдя однажды в комнату сестры, попытался отодрать несколько фотографий, однако они были приклеены на совесть - Маша во всех мелочах была старательной. У портретов отрывалась носы, уши, микрофоны, составлявшие как бы естественное продолжение раскрытых в напряжении ртов. Разноцветные глаза смотрели снисходительно и выжидательно, с презрением наблюдая за громилой, явившимся в уютный уголок грез, чтобы истребить их власть над провинциальной мечтательной душой. Они находили его в любой точке комнаты неотступными завлекающими взглядами, предлагая себя на обозрение, любование и поклонение, и даже как будто обижались на то, что он не смотрит на них, ненавидя неизвестно за что. Улыбки замерли, застыли, потому что предназначались только ей, а если другим, то таким же, как она, способным поклоняться этим плоским теням.

Витька содрал со стены глянцевый календарь, яростно скомкал его, зашвырнул под аккуратно застеленную кровать, ударил кулаком по мягкой горке подушек. Полетела пыль, пушинки. «Как легко, как быстро она ушла из нашей семьи!» Только теперь, когда она покинула их дом, он понял, что любит сестру

глухой отстраненной любовью.

И вот сейчас он стоял рядом с ней, ощущая невидимую силу родства.

Сестра казалась высокой, оттого что встала на бревно, лежащее возле изгороди, держалась спокойно, гордо, с сознанием нежного груза, заключенного внутри материнской оболочки.

Она смотрела вдаль - на лес, на поле, на опускающееся солнце, и взгляд ее был прощальный: она словно бы запоминала этот задумчивый вольный простор, говорила ему «до свидания», торопясь уйти поскорее в мир своего ребенка, еще не родившегося, но такого желанного, близкого, для которого она сама станет окружающей средой. Лицо ее как солнце будет склоняться над сморщенным личиком, ее грудь, губы, руки будут питать, сохранять новую крохотную жизнь.

Витька смотрел на нее, легонько пощипывал щеку, пытаясь вникнуть в смысл новых ощущений, - есть в жизни какая-то тайна, до которой ему никогда не добраться, и губы его кривились в злобной усмешке.

Так всегда бывало с ним, когда он наблюдал человека, освещенного загадочным внутренним светом. Он пытался по привычке отыскать в лице ее недостатки, но не находил ничего такого, на чем мог бы остановиться придирчивый взгляд, хотя всегда знал, был уверен, что его сестра некрасива, что она никогда и никому не сможет понравиться. Он торопливо взглянул на лес, на поле, в напряженной гримасе приоткрыл рот, пытаясь почувствовать то же самое, что и она. Но ничего не увидел, кроме леса, поля, двух стремительных низких ласточек. «Значит, все прошлые годы она терпела меня, а не я ее, - подумал он, - значит, она всегда была лучше меня, потому что на каждом шагу уступала мне и прощала».

Ему казалось странным, что ее новая фамилия теперь не Калганова, а Плаксина, хотелось окликнуть,

назвать по новой, фамилии, но почему-то не хватало смелости на такое маленькое по его привычкам и замашкам озорство, хотя прежде он никогда не упустил случая подразнить сестру.

Он часто находил девичьи дневники, альбомы с цветочками на обложках, в которых вместе со стихами, вклеенными портретами красавиц экрана были всяческие глупости и откровенности, пространные размышления о том, что такое любовь или почему она, сестра, не понимает сама себя, своей тихой гордости, а также рассуждения о мальчиках, которые ей нравились. Витька пробегал глазами всю эту дребедень, хватал первый подвернувшийся огрызок карандаша, злорадно нажимая, ломая стержень, вписывал на полях, в промежутках между аккуратными строчками обидные, насмешливые слова, которые в избытке теснились в его голове.

Она упрекала его, стыдила, а он дразнил ее, насмешничал. Иногда они принимались драться, обменивались затрещинами, пощечинами, дергали друг друга за волосы, за уши. Он всегда побеждал, и, в конце концов, она принималась плакать, хоронилась в своем закутке, обклеенном артистами и певцами. Сама некрасивая, она словно бы стремилась окружить себя плоской разноцветной красотой, а Брат, рассерженный, багровый, угрюмо пыхтящий, торопливо одевался и уходил из дома, чтобы возле клуба, если представится повод, подраться с кем-нибудь по-настоящему и окончательно успокоиться.

Но теперь словно бы исполнились все ее нелепые мечтания, выраженные в тех наивных стихах: она вышла замуж за хорошего симпатичного парня, вышла по любви, зная - была уверена в этом! - что он тоже полюбит ее. И полюбил: этот факт признавал даже Витька, понимал его своей грубой заскоруждой душой или тем, что заменяет душу и завистливо гудит в груди.

Он замечал, когда молодожены бывали у них в гостях, как они преданно, внимательно глядят друг на друга, как ласкаются, не целуясь, а прикасаясь, друг к другу словно бы мимоходом щеками, носами, смешно бодаясь лбами, не замечая никого вокруг. И Витьке в такие минуты хотелось грубо выругаться, затопать ногами чтобы эти двое вздрогнули, с испугом обернулись на него...

- Почему ты редко ходишь к нам в гости? - спросила сестра.

- Не знаю, - пожал он плечами. Он и в самом деле не знал.

Сестра глядела вдаль, словно видела что-то необыкновенное, недоступное для Калганова, будто хотела разглядеть свою будущую жизнь. Она всегда была такая, всегда куда-то стремилась, о чем-то мечтала, высоко и гордо держала голову, хотя ей, некрасивой и не очень, по его мнению, умной, больше пристало смотреть в пол или на стенку, оклеенную портретами артистов. Он наблюдал за ней, и ему казалось, что и нежный румянец, и пышные ухоженные волосы, и большой уродливый живот, и коричневая стерня далекого поля, и лес, еще зеленый, слегка пожелтевший в верхушках - все это ненастоящее, выдумка и обман. Все должно быть проще, проще!

- Ну, я пойду, что ли? - сказал он, глубоко вздыхая, наклонив голову, кашляя в кулак, словно старик. Ему думалось, что нарочитый кашель как-то сгладит его уход.

Она протянула ему на прощание маленькую руку, бледную, прохладную, заглянула в глаза. Он, как всегда, уклонился от взгляда, набычился: терпеть не мог, когда ему заглядывали в глаза.

Ему вдруг подумалось, что уже никогда он не сможет погладить сестру по мягким светлым, как у маленькой девчонки, волосам, такое иногда случалось в

детстве, когда он нечаянно клал руку ей на голову, в то время как она задумчиво сидела у окна, склонившись над книгой. И она всегда непременно отзывалась на эту случайную мимолетную ласку - вскидывала лицо, сияя благодарными глазами, хотя Калганов тут же, словно обжегшись, отдергивал ладонь.

Или, взявшись в шутку бороться, он ощущал щекой ее горячее покрасневшее лицо... И смеяться она уже, наверное, так не будет - переливчатый девичий смех наполнял, оживлял комнаты их большого дома, теперь опустевшего, сразу постаревшего без нее.

Перед тем как повернуться и пойти по тропинке, он пробормотал что-то невразумительное: до свидания или прощай - он и сам не разобрал. За ним увязался прибежавший откуда-то щенок Тяпа, которого так и хотелось потрогать рукой, потрепать по круглой пушистой голове.

Она смотрела вслед брату, рослому, коренастому, уже почти взрослому, и ей отчего-то хотелось плакать, но она сдерживала слезы, понимая, что в ее положении расстраиваться вредно. Грустно улыбаясь ему вслед, кивнула головой.

Наклонился, собираясь погладить мягкого, виляющего хвостиком Тяпу, но передумал - рука так и не дотянулась до щенка, преданно глядевшего ему в глаза, прыгавшего навстречу ладони.

Витька слышал, как сестра вздохнула, выключив магнитофон, но так и не обернулся.